

А. В. Шунков
*кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой литературы
Кемеровский государственный университет культуры и искусств*

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭТИКЕТ ДРЕВНЕЙ РУСИ
И ЦЕРЕМОНИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА XVII ВЕКА
(на примере литературного творчества царя Алексея Михайловича)¹**

Церемониальность – одна из черт древнерусской литературы, которая к XVII веку получает свое логическое завершение. Тяготение к церемониальности ярко выразилось в явлении, которое Д. С. Лихачев назвал литературным этикетом [1]. Литературный этикет определял задачи литературы, ее темы, принципы построения сюжетов, изобразительные средства, выделяя круг наиболее предпочтительных речевых оборотов, образов, метафор. В основе понятия литературного этикета, таким образом, лежит представление о незыблемом и упорядоченном мире, где для каждого человека существует свой особый эталон поведения [2].

Со временем ранее сформировавшаяся художественная система (литературный этикет) подверглась трансформации. Каноничность средневековой литературы ослабевала по причине изменяющихся эстетических представлений о мире, человеке. «Но при этом надо обратить внимание вот на какое обстоятельство, – писал Д. С. Лихачев. – Разрушение литературных канонов совершалось одновременно с пышным развитием этикета в реальной жизни» [3].

Развитие в Средние века обряда и церемониала подчинило процессы жанрообразования церемониальной стороне феодального быта. Писатель в этом случае выступал в роли церемониймейстера, задача которого была составить пышную церемонию. «Писатель средневековья не столько изображает жизнь, сколько преобразует и “наряжает” ее, делает ее парадной, праздничной» [4]. Развитие придворного церемониала активизировалось еще в XVI веке с укреплением Московского государства и утверждением

---

¹ Статья написана при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-1822.2006.6.

абсолютной монархии в XVII веке. Сложное символическое церемониальное действие, изображавшее фактически каждый момент жизни монарха, призвано было показать высокую значимость его поступка, жеста.

Во второй половине XVII века появилось большое количество «чиновников», «чинов» [5] – нормативных документов, подробно расписывавших построение и содержание основных церковных и придворных церемоний. В «чиновниках» все составляющие жизни двора (обед, прием послов, отход ко сну, «потехи» и др.) были предельно регламентированы. Любое житейское событие превращалось в событие, направленное на усиление величия монарха, утверждение божественности его власти.

Известно, что Алексеем Михайловичем воспринимались многие придворные церемонии, организатором и инициатором которых он являлся, почти как мистическое выражение и воплощение его царского достоинства. Единожды утвердив их, он и сам не осмеливался на нарушение чина, который как бы обретал самостоятельность и довлел над всеми его участниками. Нарушение чина понималось как оскорбление самого монарха, и тех, кто осмеливался на это, предписывалось сурово наказывать [6].

Личность Алексея Михайловича как писателя поистине уникальна и показательна в том плане, что дает нам возможность увидеть столкновение в мировоззрении монарха двух разных художественных систем, в основе которых лежат взаимоисключающие художественно-эстетические традиции Византии и Западной Европы. Приведем всего лишь один пример, иллюстрирующий противоречивость мировоззрения царя: одним своим указом Алексей Михайлович запрещает представления скоморохов на городских площадях, а другим – объявляет о своем желании поставить театральное действие, ориентируясь на западноевропейские образцы.

Примером же церемониальных произведений, противоположных в художественном отношении, могут являться сочинения, написанные царем. Одну группу составляют обрядовые тексты, предназначенные для богослужения и, соответственно, выдержанные в канонической традиции Древней Руси. К ним, например, относятся «Сказание об успении Богородицы» [7] и певческий гимн «Ис тебе пресвятая Богородице дево» [8].

Вторую группу образуют описания придворных светских церемониалов. Именно она и позволяет увидеть процесс оформления церемониальной культуры Нового времени, вобравшей в себя как традиции литературного этикета Древней Руси, так и элементы западноевропейских светских церемониалов. Поэтому представление о церемониальности в древнерусской литературе, ее эволюции к XVII столетию должно быть расширено на основе введения в процесс исследования особой группы литературных памятников второй половины XVII века – «чиновников».

Из всего огромного литературного наследия царя Алексея Михайловича ни один литературный памятник не вызывал такой дискуссии в науке, как «Книга, глаголемая Урядник: Новое уложение и устройство чина сокольничья пути» (1656 г.). Памятник, запечатлевший русский придворный быт второй половины XVII века, – обряд посвящения рядового сокольника (Ярыжкина) в начальные.

Сохранившаяся часть «Урядника» состоит из вступления и двух разделов: «Статьи до- и при государеве пришествии». Вступительная часть, отредактированная Алексеем Михайловичем, имеет особое значение: она подготавливает внимание читателя к дальнейшему действию, разъясняет детали предстоящего церемониала. Созидаемый миропорядок должен быть организован по законам красоты. Каждая вещь, с позиции автора «Урядника», есть составная часть большого и разумного действия – «чина», где каждому отведено определенное место. Именно подобное «устройство» – залог гармонии и красоты созидаемого миропорядка. «Л.5. Чинъ укрепляетъ и утверждаетъ крепость, урядство же [...] уставляетъ и объявляетъ красоту и удивленіе» [9].

Судя по определениям, которыми автор характеризует соколиную охоту, можно сказать, что данное действие для него самого является спектаклем, участниками которого

становятся все присутствующие. «Л.11. *Безмерно славна и хвальна* кречатья добыча. *Удивительна же* // Л.11об. и *утешительна* и челига кречатья добыча. *Угодительна же* и *потешна* дермлиговая перелазка и добыча. // Л.12. *Красносмотрительно же и радостно* высоково сокола лет. *Премудра же* челига соколя добыча и лет. // Л.15об. [...] *Радуйтесь и веселитесь, утешайтесь и наслаждайтесь сердцами* // своими, Л.16. *добрымъ и веселымъ симъ утешениемъ* въ предыдущія лета».

Композиция «чина сокольничья пути», характеристика автором действий участников церемониала, описание интерьера комнаты, выбранной для проведения ритуала, костюмов героев – все эти детали в сумме дают общее представление о понимании автором художественного значения самого церемониала.

Стоит сказать, что в авторском понимании и выражении красоты намечаются новые тенденции, отличные от средневековых. Во вступительной части к «Уряднику» автором в синонимические ряды объединены следующие словоформы: **ряд** (*урядник* – *уряжение* – *наряд* – *урядство*), **строй** (*устройство* – *стройный* – *стройство* – *бесстройство*), **мера** (*мерный* – *меряние*); **честь** – **часть** – **час** – **чин**. Используемая терминология иллюстрирует суть понимания основ, законов церемониальной культуры XVII века.

«Урядник» мало общего имеет с религиозной традицией церковных обрядов. Автор «Урядника» не соотносит «чин» и идею Бога. Перед нами образец церемониала, в котором мир красоты показан при помощи художественных театральных приемов. Гарантом существования этого условного мира является сам царь. «*Кому государь укажетъ быть въ начальныхъ сокольникахъ,* // [...] *тово государь и пожалуетъ.* Л.17об.–18». Это одна из основ разыгрываемого действия. В свое время П. Бессонов дал ей определение как практической, деятельной стороне «Урядника» [10].

Второй является эстетическая сторона ритуала, с помощью которой повышается значимость проводимого мероприятия. Выражена эта идея при помощи следующих наставлений: «Л.9. *Молю и прошю васъ премудрыхъ, добродородныхъ и доброхвальныхъ охотниковъ, насмотритесь всякого добра: вначале благочинія,* // Л.9об. *славочестія, устройства, уряжения сокольничья чину* [...] Л.16. **Прилогъ книжный, или свой** [11]. *Сія притча душевне и телесне* // Л.16об.: *правды же и суда и милостивыя любве и ратного строя николе же позабывайте: делу время и потехе часъ*». Последний совет примечателен тем, что объединяет, «с одной стороны, нравственные обязанности, с другой – службу государству» [12]. Таким образом, «Урядник» представляет собой один из первых образцов как практического руководства по проведению церемонии, так и сочинения о красоте и порядке. «Л.3. *Чтоб всякой вещи честь, и чинъ, и образецъ* // Л.3об. *писаниемъ предложенъ былъ. Никто же зазритъ,* // Л.4. *никто же похулитъ, всякой похвалитъ, всякой прославитъ и удивитця, что и малой вещи честь, и чин, и образецъ* // Л.4об. *положенъ по мере*».

Следуя традиции, автор не выходит за рамки средневековой концепции литературного творчества, где создание литературного произведения само по себе есть особый «чин», в котором автор и читатель по отношению друг к другу выступали в регламентированных отношениях. Мир «Урядника» также иерархичен. При его создании автор опирался на ситуативные каноны изображения действий героя. Стоит отметить, что «создаются эти ситуации именно такими, какие необходимы по этикетным требованиям» [13]. На протяжении всей вступительной части к «Уряднику» автор стремится соблюсти требования, предъявлявшиеся к писателю Древней Руси. Стремится ввести читателя в сложную церемонию, являющуюся моделью реального миропорядка. И главная роль в этом «чине» принадлежит монарху, от воли которого и зависит весь ход церемонии. Последующие «практические» части Урядника иллюстрируют идеи, высказанные автором во вступлении, служат наглядным примером воплощения в реальность идеи гармонии и красоты.

Первая часть «Урядника» рассказывает о приготовлении всей церемонии: как необходимо «устроить» и «урядить» место избрания начального сокольника. Основным

принципом убранства избы является принцип симметричного расположения предметов. Создаваемая зеркальность должна была показать гармоничное сосуществование всех частей церемониала. «Л.20об. *Велитъ поставить 4 стула нарядные, а на них велитъ посадить 4 птицы*». Убранство выбранной для проведения ритуала избы имеет символическое значение. «Сценические декорации» призваны были создать иллюзию гармонии между изображаемым миром и существующим реальным и одновременно привнести в церемонию пафос торжественности. Именно поэтому сценическое пространство, как позже и театральная «хоромина», богато декорировалось.

Автор «Урядника» также подробен и в описании костюмов участников «чина». На протяжении значительной части действия церемониала герой неоднократно меняет свое платье. Медленное, неторопливое облачение-разоблачение Ярыжкина в ходе ритуала имеет символическое значение. Ношение одежд («государево жалованье»), в которые облачается герой, может быть истолковано как принятие царской воли над собой, приобщение к высшему порядку. Становится понятным, почему автором с такой любовью описывается интерьер избы, одежда героя. Объяснения тому можно дать следующие: в этом сказывается влияние исторической эпохи Алексея Михайловича, с ее обращенностью в мир обряда. По словам А. С. Демина, «внимание к одежде в пьесах 1670-х годов подсказано [...] русским придворным обиходом. Хорошая, ценная одежда – важный признак гармоничного мироустройства» [14].

После необходимых приготовлений следует сам «чин» избрания начального сокольника. Каждая поза героя, жесты, интонационные особенности произносимых реплик – все это подробно комментируются автором. Рекомендации представляются значимыми, с точки зрения автора, так как в любой детали церемониала запечатлена идея красоты, и из подобных деталей и складывается мозаика гармонии.

Важной представляется динамика устраиваемого церемониала. «Чин» совершается не спеша, «благочинно». «Л.33. *И мало постоявъ, подступает бережно [...], а мало по-норовя...*». Подобная форма проведения церемонии давала возможность подробно созерцать происходящее, получать эстетическое удовольствие от действия.

Одним из ярких моментов «чина» является ритуал облачения птиц в праздничный наряд (1-я «статья»). Сцена украшения птиц проходит в строгом соответствии с «чином»: сокольники вправе брать только ту вещь, которая предписывается «статьей». Таким же образом будет проходить и ритуал облачения Ярыжкина, описанный в 5–6-й «статьях» «Урядника». Вся сцена завершается приносимой на «Уряднике» клятвой в верности царю и возложением на Ярыжкина шапки (8-я «статья»). После совершенного обряда следует поочередная, согласно «статьям», передача птиц Ярыжину сокольниками и присяга всех сокольников новопожалованному начальному (9-я «статья»). Далее наступает момент ухода царя, и в качестве великой милости сокольники получают право на пир. «Л.91. *А государь молить подсокольничему с товарищи: Наслаждайтесь по нашей государской милости*». После проводов царя наступает время очередного переодевания сокольников и птиц в другой наряд. Прежний, с такой же последовательностью, с какой и был возложен на виновника торжества и птиц, возвращается в царскую казну. За всем этим процессом внимательно следит распорядитель всей церемонии. «Л.95об. *Петръ Хомяковъ велитъ ... // Л.96. снимать большие наряды и класть меньшие наряды...// Л. 96об. И подсокольничей Петръ Хомяковъ // Л.97 въ тое пору сидитъ и смотрит, чтобы снимали со птиц болшиє наряды бережно, стройно, такоже бы и меньше клали тихо и опасно, // Л.98 по чину же*». Заканчивается вторая часть «Урядника» сценами пира сокольников (11-я «статья») и ритуальным кормлением птиц (12-я «статья»).

На этом церемониал не заканчивался. За чином поставления сокольника в начальные следовали другие, несохранившиеся части [15]. Но даже имеющаяся часть текста позволяет увидеть в ней произведение со сложной композицией, в котором использованы традиции Средневековья и Нового времени. Созданный в 1656 г. как «чин» избрания

начального сокольника, «Урядник» затем расценивался как обязательный для исполнения обряд при выборе каждого нового сокольника. Однако видеть в «Уряднике» только лишь один из многочисленных ритуалов, «чинов» будет ошибочно. «Урядник» больше, чем простое практическое руководство, перед нами произведение, в котором автор предпринял попытку выразить субъективное понимание идеи прекрасного. И в своем стремлении в художественной форме представить мир идеала, гармонии автор «Урядника» руководствуется средневековой концепцией мироздания. Отличительным ее признаком является строгая система иерархических отношений. Общее стремление автора изобразить охотничий обряд «по образцу и чину» прослеживается в каждой статье «Урядника». Пирамидальность позволяет автору «охватить мир в целом, понять его как некоторое законченное всеединство» [16]. Автором четко определяются обязанности каждого участника церемонии в зависимости от того, какое он место занимает в общей системе взаимоотношений. П. М. Бицилли, характеризуя западноевропейское средневековое общество, отмечал следующее: «Все общество состоит из лестнично расположенных “чинов”, из которых за каждым признается своя «честь», своя социальная функция» [17]. Подобное положение вещей наблюдается и в проводимом церемониале. «Л.46. *Готовь идти // Л.46об. къ государской милости; и не по моей мере такая его государская премногая милость ко мне убогому, холопу его государеву*», «Л.67. *и велели тебя писать полнымъ именемъ*». Называние полного имени героя не случайно. Этим показывается его новый статус, более высокие права и обязанности.

Особенно ярко заметна иерархичность в сцене пира. Описание пира при дворе Алексея Михайловича также представляет сложный ритуал, «чин», проходящий по определенному уставу [18]. В финальном пиршестве происходит своего рода возврат к исходной ситуации, оговоренной во вступительной части, где представлены размышления автора о красоте. «Л.90об. *Царь и великий князь ... велель вамъ быти у стола, и веселитися и утешатися съ новопожалованнымъ по чину*». Но само «веселие» не менее символично, чем призыв к нему. Именно всеобщая радость и есть выражение гармонии бытия, символ здоровых начал жизни, способных проявить себя как в служении царю, так и в трапезе. «Л.107–107об. *А вась начальныхъ сокольниковъ, за ваше доброе послушание, во устройство и во уряжение и во украшение // звать къ государской милости ко столу*».

Таким образом, «Урядник» на примере всего лишь одного обряда иллюстрирует абсолютность, незыблемость существующего порядка вещей, вершиной которого в земном пространстве является «великий государь». Благодаря ему мир предстает как гармоничное целое. Здесь становится важным отметить следующий момент: автор теперь не предпринимает каких-либо попыток изобразить мир в христианской книжной традиции. На первый план вынесена фигура самого царя, внимания заслуживают его действия. Именно создаваемый по его воле условный мир служит проекцией для реальных взаимоотношений участников. В итоге, средневековая доктрина – «мир есть целое лишь постольку, поскольку он весь, целиком, зависит от Бога, поскольку он является его творением и его отображением» [19] – претерпевает трансформацию. Средневековая обусловленность событий Божественной волей теряет свое первостепенное значение, давая возможность проявлению в литературном произведении собственно авторской позиции. Лишь однажды автор обращается к Богу – это помета, сделанная рукой царя о необходимости прочтения молитвы перед трапезой. Но даже в этом фрагменте «чина» видятся не столько религиозные мотивы, сколько желание царя соблюсти до мельчайших деталей обряд, не разрушая его целостности.

Таким образом, в «Уряднике» идея разумного устройства мира выражена иными художественными приемами, отличными от средневековой традиции. Критериями идеального мира теперь являются не христианские догматы, а эстетические представления о мире самого автора. В основе идеального мира должна находиться красота, она является гарантом его гармоничного устройства. Для автора «Урядника» эта идея пред-

ставляется важной, так как каждая «статья» является художественной реализацией представлений о красоте в действии, и в этом отношении Алексей Михайлович предстает не просто как автор одного из придворных ритуалов, а как особый тип художника, которому удалось показать внутренний механизм всеединства и гармонии.

«Новое уложение и устройство чина сокольничья пути» – характерное произведение для своего времени и одновременно исключительное. На материале «Урядника» становится реальным отслеживание эволюции в понимании задач, стоявших перед автором в древнерусской литературе в момент создания художественного произведения. «Урядник» является примером свободной авторской воли, способной выстраивать литературное произведение в связи со своими творческими идеями, что в конечном итоге и привело к постепенному разрушению системы этикета в светской части литературы.

Литература

1. Лихачев Д. С. Литературный этикет. Поэтика художественного обобщения // Поэтика древнерусской литературы. Избранные работы: в 3 т. – Л.: Художественная литература. – Т. 1. – С. 344–437.
2. «Из чего складывается литературный этикет? Он складывается из представлений о том, как должен был совершаться тот или иной ход событий; из представлений о том, как должно было вести себя действующее лицо сообразно своему положению; из представлений о том, какими словами должен описывать писатель совершающееся. Перед нами, следовательно, этикет миропорядка, этикет поведения и этикет словесный» // Лихачев Д. С. Указ. соч. – С. 356.
3. Там же. – С. 363.
4. Там же. – С. 359.
5. Назовем некоторые из них: «чин» венчания на царство (при Алексее Михайловиче специально составляют «Книгу о избрании на превысочайший престол великого Российского царствия Михаила Федоровича»), см.: Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича. – М., 1906, а также: Чин поставления на царство царя и великого князя Алексея. – СПб., 1882; свадебный чин, см.: Котошихин Григорий. О России в царствование Алексея Михайловича. – Изд. 4-е. – СПб., 1906. – гл. «О чину, как устраивают свадебный чин». – С. 9–14; «чин» приема иностранных послов. В описи библиотеки Посольского приказа под № 118 за 1673 г. упоминается следующая книга – «Книга в полдесть александрийской бумаги, а в ней написан чин как всех государств с послы и посланники к окрестным и мусульманским государем приказывать поклон». См.: Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. – М., 1899. – С. 311. Также существовали и другие чины.
6. Сохранился документ, датированный 1652 г. и содержащий описание наказания за отказ от участия в царской соколиной охоте. РГАДА. – Ф. 27. Оп. 1. № 53. Л. 1. «От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия і Малыя Росіи самодержца избраным нашим и верным соколником Леонтью Григорову с товарищи от нас великого государя милостивое слово. Да по нашему государеву указу товарищем вашим соколникам велено быть в сотне, а каков голова і каково платье і лошади і какова людна сотня і про то вам отпишут таварыщи ваши. А товарищ ваш Борис Бабин нашею милостію погнушался, нашему государеву милостивому соколничью чину і стал считатца с Михеем Тоболиным городовым чином, что он по городу служил і меры не поставил городу чести. І мы велели ево бить батоги нещадно і выкинуть іс сокольничья чину, и он волочился с три недели, і для великого чудотворца Николы пожаловали мы великий государь, велели ему быть в стремянных конюхах у царевича Грузинсково. И вам бы ему Бориске и беспутной ево дурости не поревновать и нам великому государю наіпаче прежнего простиратца и служить, а у нас великого государя служба ваша николи забвена не будетъ. Писал на нашем стану против нашего города Шклова лета 7160, іюля в 3 день».
7. Сказание об успении пресв. Богородицы, правленое царем Алексеем Михайловичем // РГАДА. – Ф. 27. Оп. 1. № 527. Издано: Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII века. – М., 1902. – С. 24–28.

8. «Ис тебе пресвятая Богородице дево» // Памятники культуры. Новые открытия: ежегодник. 1987 / ред. Д. С. Лихачев. – М.: Наука, 1988. – С. 131–137; Былинин В. К. Царь Алексей Михайлович как мастер распева / В. К. Былинин, А. П. Посошенко // Памятники культуры. Новые открытия: ежегодник. 1987 / под ред. Д. С. Лихачева – М.: Наука, 1988. – С. 131–137.
9. Текст цитируется по рукописному подлиннику: РГАДА. – Ф. 27. Оп. 1. № 52/1.
10. Бессонов П. Общее примечание к Уряднику // Собрание писем царя Алексея Михайловича. – М., 1856. – С. 133.
11. В тексте рукописи слова написаны рукою царя.
12. Бессонов П. Указ. соч. – С. 133.
13. Лихачев Д. С. Указ. соч. – С. 352.
14. Первые пьесы русского театра. – М., 1972. – С. 34.
15. Известна, например, часть «О ястве и речах» несохранившаяся. А также роспись государевым охотникам и роспись охотничьему снаряду, см.: Собрание писем... – С. 116–123.
16. Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. – СПб., 1995. – С. 12.
17. Там же. – С. 57.
18. Ср. описание встречи и обеда в честь грузинского царевича Николая Давидовича в «Дневальных записках приказа Дел». – М., 1908. – С. 70–87.
19. Бицилли П. М. Указ. соч. – С. 88.